

БОРЬБА ЗА ЖИЗНЬ

Dr. NIHIL

Dr. Nihil

Борьба за жизнь

<https://litres.ru/74665133>

SelfPub; 2026

Аннотация

Горе, свалившееся на молодую женщину - потеря мужа на войне, немая дочь, трудности быта, депрессия - подкосило её силы и породило чудовище, готовящее поглотить её и ребенка. Что можно противопоставить невидимой разрушающей силе? Найдется ли столь нужный противодействующий ресурс?

Dr. Nihil

Борьба за жизнь

Люди со временем отвергли множество мифов: о чертях, ведьмах, леших и прочих кикиморах. С лёгкостью отбросив предрассудки и целые пласты поколенческой, издревле копившейся памяти, они взялись строить мир по разумному плану, руководствуясь исключительно соображениями прагматизма и целесообразности. Казалось бы, всё поддаётся расчёту, но почему-то раз за разом в уклад жизни вторгаются обстоятельства, которые иначе чем чертовщиной или дьявольскими кознями не объяснить. Можно до мелочей прописать цепочки событий, изучить причинно-следственные связи, и бесконечно блуждать в загадках, но древние люди в таких случаях знали точно: в их дела вмешивается нечистая сила. Невидимая, но осязаемая, как запах свежерытой могилы или отчётливое, леденящее кровь чувство приближающегося врага.

Эта сила живёт — если, конечно, это вообще можно назвать жизнью — вокруг и около людей, исподтишка питаясь их беспомощностью и глухим, затяжным страданием. Народный эпос создал мифы о домовых — добрых, лукавых помощниках, хранителях домашнего очага и лада в повседневном быту. Насчёт добрых духов судить трудно, а вот то, что в человеческих домах гораздо чаще водится совсем иного

склада субстанция, можно легко догадаться и без древних легенд. Нечисть эта заводится там, где душа человека дает слабину, где трещит по швам воля. Именно тогда в стенах дома начинается раздрай, шатание и полный упадок, а далее костлявая с косою — несвоевременная, постылая гостья приходит следом, собирая свой урожай.

Так и случилось с молодой вдовой Еленой, жившей в покосившемся доме на самом отшибе посёлка Мухоловка. Война, громыхавшая где-то на далёких границах, в один из дней добралась и до этих глухих мест сухим бланком повестки из военкомата. Её муж, работающий, исправный и безотказный мужик, без лишних слов собрал вещи и отправился в далёкий край на большую геополитическую игру, в которой сам мало что смыслил. Были проводы, были и горькие слёзы. Тогда-то, под шумок бабьего плача, беда и зашла в их дом, тихонько примостившись под порогом.

Четыре месяца спустя общение оборвалось, а еще спустя время в Мухоловку пришли недобрые новости — «без вести пропал». Пока Елена суетилась, искала ответы и надеялась на ошибку, безжалостно утекало время. Страшная история, в которой не было никакой определённости — ни живого обнять, ни мёртвого оплакать, — полностью поглотила молодую женщину и её немую от рождения, недоразвитую шестилетку-дочь. Гробовых денег Елене не дали, ссылаясь на неведомые, отчуждённые от людского горя казённые формуляры. Друзья и соседи, ещё вчера заходившие в гости, стре-

мительно отдалились. Известно ведь, сколь прилипчиво чужое горе — люди прятали глаза и закрывали двери, думая про себя: «нам бы со своим сдюжить, а тут ещё чужая беда».

В четырёх стенах поселилось неоплаканное горе по погибшему — что теперь казалось ясным делом — мужу и отцу девочки. С каждым днём оно крепло, перерастая в глухую, удушливую злобу на власть, на безучастных односельчан и вообще на всех окружающих. В голове Елены набатом стучала одна и та же мысль: «Как же так, ведь он за родину воевать пошёл, а нам теперь за что эта родина оставила?» Не находя выхода этой ярости, она стала попивать. Тихо, поженски, за закрытыми шторами, в полном одиночестве. Лицо её быстро осунулось, потемнело, а прежний мягкий характер сменился грубостью и внезапными вспышками истерики. Увидев это, последние знакомые окончательно отвернулись, открутив для этой заброшенной, поломанной семьи невидимый обратный отсчёт.

Дела житейские, некогда казавшиеся сами собой разумющимися, теперь пошли вразнос. Дом стремительно ветшал, отчаянно требуя мелкого ремонта и внимательного мужского пригляда. Система водяного отопления пугала упавшим в ноль давлением, грозя примёрзнуть в первые же холода. Электрощиток барахлил из-за какой-то малопонятной утечки тока, прогнившие ступеньки крыльца опасно прогибались под ногами, а в бане то и дело выбивало перегоревшие автоматы. Огород, зарастая сорняками, требовал своего - ухо-

да, прополки, полива. Даже вода в кранах, ранее бывшая полной, чистой струёй, теперь едва текла — мутная, пахнущая залежалой сыростью, из-за неполадок с насосом и запущенной скважиной. Елена, никогда прежде не вникавшая в подобные технические тонкости, была поражена широтой и многогранностью знаний своего покойного мужа. Ведь всё это сложное хозяйство крутилось, работало и ладилось только ради одного: чтобы дома всегда было тепло, горел свет, а чистая вода беспрепятственно поступала в комнаты.

Малолетняя дочь после отбытия отца окончательно замкнулась в себе. Девочка стала нелюдимой, дикой и агрессивной, часто проявляя беспричинную драчливость. Измученная Елена то шпыняла её, сорвавшись, то ругала на чём свет стоит, но толку от этого не было — инвалид детства, что с неё взять. Давление пришло и с другой стороны. По настоянию завуча местной школы — строгой, недоброй и суховатой бабы — ребёнка перевели на экстернат, а говоря попросту, выкинули из образовательного процесса. Громкий скандал Елены с завучем и директором ни к чему не привёл. Поводив носом в воздухе и почувствовав слабенький спиртовой запах от вдовы, завуч процедила, что может устроить Елене куда более серьёзные проблемы — например, предметно поговорить с органами опеки об оценке условий проживания. Спорить дальше у молодой женщины, выжженной депрессией, не было сил; она не смогла противиться административному давлению опытных, прожжённых тёток. Так она лиши-

лась еще и маленькой должности в местном доме культуры. Отныне ей приходилось полагаться только на пособия, которых хватало только на продукты и всякую бытовую мелочь.

Несмышлёный, тяжёлый ребёнок на руках, бесконечные бытовые хлопоты и удушающая неопределённость окончательно подкосили остатки её душевных сил. Елена всё чаще стала впадать в оцепенелое и пространное состояние. Она могла подолгу лежать или сидеть на одном месте, уставившись в пустоту, особенно когда спасительное, как ей казалось, подпитие брало верх над реальностью.

В доме на отшибе теперь оставались только трое: она, дочь и старый, больной хозяйский рыжий кот Василий, который всё чаще жался к остывающим батареям. Именно тогда, в моменты тяжёлого оцепенения, Елене и начало чудиться странное, непонятное движение по углам — словно там сгушалось бесформенное серое облако. Однажды это облако подошло к ней так близко, что женщина содрогнулась: она отчётливо, физически вдохнула чужой, удушливый смрад, сотканный из затхлой плесени и могильного холода. Это мгновение длилось лишь секунду, но было пугающе явным.

Впрочем, подолгу думать об этом и пугаться было некогда. Как бы ни давила тоска, всё равно приходилось шевелиться. Это только в дешёвых фильмах и книгах человек в депрессии может неделями красиво умирать на диване, вообще ничего не делая. В реальности жрать-то надо всем, при-

бираться, да хоть и сортир протереть, небось, тоже — а тут ещё и септик подзабился, чёрт бы его побрал, плохо смывается. Нужно было через силу вставать и топить печь. Кстати, в сельсовете Елене давно уже обещали отгрузить льготных дров да угля, но так до сих пор ничего и не привезли.

Каждый день превратился в тупую механическую борьбу за выживание: приготовить хоть какую-то еду, накормить дичающую дочь, себя и кашляющего кота. Что-то нужно было делать, предпринимать, да чёрт его знает что именно. Помирать с тоски — вроде как будто ещё рано. А жизнь заново налаживать — уже слишком поздно.

Маленькая Вера, крепко прижавшись к матери, лежала на диване, свернувшись крошечным клубочком. От матери шёл тяжёлый, удушливый, парной жар; Елена прерывисто дышала, полностью уйдя в забытие полусна и бред. Пытаясь спастись от наступающей стужи, они завернулись во все тёплые одеяла, какие нашлись в доме, а Вера сверху накинула ещё и отцовский пуховик. Было, однако, зябко. На дворе стояла безветренная, тихая октябрьская ночь. На огороде так и осталась недовыкопанная, брошенная картошка — собирать её пока было некому.

Елена недомогала ещё вчера, а к вечеру окончательно свалилась в жестокой горячке. Из односельчан к ним, конечно, никто не заходил. Маленькая Вера совершенно не умела топить печь, да и сил бы у неё не хватило. Кое-как, дотянувшись до кнопок, девочка сумела включить старый китайский

обогреватель-ветродуй. Он немного прогрел комнату, но через некоторое время предательский автомат в щитке, о котором так пёлся когда-то отец, с сухим щелчком отрубился, погрузив дом во тьму и остывающую тишину.

Вера без конца смотрела мультики на блеклом экране телефона, пытаясь забыть про холод и давящий вокруг неуют. Больше всего на свете хотелось съесть чего-нибудь горяченького. Но сваренный матерью накануне суп Вера не хотела — он казался невкусным, да и остыл до жирной противной корочки. Хлеб и колбаса, из которых девочка кое-как соорудила себе сухие бутерброды, полностью закончились. Оставались только конфеты. Их-то Вера и поглощала теперь одну за одной, напрочь плюнув на то, что мать станет ругать за испорченный аппетит. А может, и не будет ругать — вон ведь как ей сейчас плохо.

О том, чтобы самой выйти за порог и пойти к соседям за помощью, Вера домыслить не могла. Настолько чужими, бесконечно далёкими и пугающими казались ей сейчас все окружающие люди. Из её детской памяти ещё не стёрлись недобрые лица и уж совсем равнодушные взгляды взрослых. «Не пойду, — завершилась в маленькой голове глухая детская мысль. — Никто всё равно не придёт». Покой покинутых, замерзающих людей нарушала лишь глухая, непрекращающаяся возня под полом. Крысы, наверное. Старый кот Васька вяло зыркал воспалёнными глазами на эти звуки, но прежней силы и скорости в его больном теле уже не осталось.

Да и как эту тварь в глубоком подполе достанешь?

Затаившаяся в доме нежить хладнокровно наблюдала за всеми этими разрушительными процессами и отмечала: всё идёт строго по плану. Мать в горячке и абсолютно беспомощна, маленькая дочь — тоже. Ждать больше не имело смысла, пришло время переходить к следующему этапу — от мелких бытовых пакостей и нагнетания жути к прямой, сокрушительной акции.

Вселившись в огромную, серую, размером чуть ли не с таксу, крысу, которая обжилась здесь совсем недавно, нежить выползла наружу и огляделась. Сущность прекрасно знала, что эта крыса была переносчиком какой-то смертельно опасной болезни — из тех, от которых у заболевших через несколько дней возникал дикий жар, опухали лимфоузлы и воспалялись суставы. Вот и отлично. Пара точных укусов матери и дочке — и они гарантированно слягут без шанса подняться, а там, при таком-то собачьем холоде, и погибель близко. Матери в её состоянии так точно будет конец.

Крыса, бесшумно юркнув из тёмного подполя прямо в комнату, деловито проползла на середину выдавшего виды ковра и замерла, осматриваясь. Прямо на неё в упор смотрели круглые детские глаза. Вера мгновенно подобралась. Раньше девочка уже видела обычных мышей и их не очень-то боялась, однако вид этой здоровенной, лоснящейся и пугающе уверенной в себе твари внушил ей первобытный страх.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.